

Глава XXVII

О БОЛЕЗНЯХ, СМЕРТИ И ПОГРЕБЕНИИ

Несмотря на грубую и суровую жизнь, лопари отличаются прекрасным здоровьем. "Туземцы, – замечает о них Олаф Петерсон Ниурений, – отличаются крепким здоровьем. Среди них нет врачей, да они и не нуждаются в них". То же говорит и Самуил Реен: "Лопарский народ от природы очень здоров и крепок. Они почти совсем не болеют, не в пример прочим народам".

Лопари почти не знают болезней, даже таких, которые в других местах опустошают целые страны. Ни изнурительные лихорадки, ни страшные эпидемические заболевания почти не встречаются в Лапландии. Мало того, даже в случае заноса к ним извне какой-нибудь заразы губительное действие ее быстро ослабляется под парализующим влиянием холода. Олаф Петерсон Ниурений приводит такой пример: "Несколько лет тому назад в Лапландию была занесена заразная болезнь *Pestilens lues* (по терминологии того времени *lues* не есть сифилис, а вообще эпидемическое заболевание, подобно тому, как *pestilens* и *pestilentia* не есть обязательно чума. – Прим. ред.). Эта зараза была занесена к ним вместе с привозной коноплей, однако никто, кроме женщин, которым приходилось пряхть ее, не заразился ею. По-видимому, полярный холод этого сурового климата уничтожал вредоносные миазмы".

Наиболее часто встречающиеся среди лопарей заболевания – болезни глаз и гноетечение из них (по всей вероятности речь идет о трахоме. – Прим. ред.), следствием чего бывает полная слепота. Вероятной причиной этого бедствия является то, что с малых лет им приходится постоянно жить в дымной атмосфере своего жилища. "Чаше всего лопари болеют глазами, – говорит все тот же Олаф Петерсон Ниурений, – т.к. дома их постоянно полны дымом, разъедающим глаза, вследствие чего на старости лет многие из них совершенно слепнут".

Того же взгляда придерживается и Эрик Плантин, добавляющий к этому еще и непосредственное вредное действие, оказываемое пылающим огнем очага. Отец Эрика Платина, Олаф Петерсон Ниурений, пишет по этому поводу следующее: "Самым большим несчастьем для лопарей является частое наступление у них на старости лет полной слепоты. Она встречается среди них гораздо чаще, чем у других народов. Все зло происходит оттого, что с малых лет и на протяжении всей своей жизни – зимой и летом, ночью и днем – им приходится иметь перед глазами постоянно поддерживаемый огонь очага, находящегося посредине жилища".

Иногда лопари болеют еще плевритами, воспалением легких, болями в спине и пояснице, а также головкружением, как видно из ответов того же самого Платина на обращенное к нему мною письмо с рядом вопросов. Изредка их навещает эпидемия оспы.

Ввиду крайней редкости у них тяжелых заболеваний им почти неизвестно и врачебное искусство. От многих внутренних болезней лопари лечатся корешками одного мха, называемого ими "Jerth", или же, за неимением его, стеблями дягильника (*Angelica*), известного среди них под названием "Fadno". Дягильник при этом варят в сыворотке оленьего молока и пьют этот взвар вместо лекарства.

При болях в отдельных членах прижигают больное место зажженным на огне трупом, чтобы образовавшаяся от ожога язва оттянула дурные соки и тем уменьшила боль. (Так называемая заволока, или фонтанель, весьма распространенная в старинной медицине. – Прим. ред.). Плантин так рассказывает об этом: "Большим распространением у лопарей пользуется следующее средство: берут трут, т.е. сухой гриб (древесный наплыв), срезанный с березы, и, зажегши его на огне, прикладывают к больному месту. Если горящий трут приложен удачно, то он тотчас отваливается и боль уменьшается вследствие образовавшейся на коже язвы". Вместо мазей раны лопари смазывают еще и древесной смолой.

В случае отморожения конечностей с успехом применяют олений сыр, в который втыкают сперва кусок раскаленного железа, отчего из сыра вытапливается нечто вроде маслянистой густой жидкости, которою и смазывают раны вместе с тонко нарезанными пластинками из сыра, предварительно нагрев их. Тот же сыр, вываренный в молоке, употребляется в качестве лекарства от кашля и других простудных заболеваний грудных органов. Взвар этот пьют в таких случаях обязательно горячим. По мнению лопарей, этот же сыр чрезвычайно полезен для желудка, предохраняет его от заболеваний, вызываемых постоянным питьем сырой воды.

Вообще говоря, ввиду редкости тяжелых заболеваний многие лопари доживают до очень преклонного возраста. Самуил Реен говорит, что среди лопарей не редкость встретить 70-, 80- и 90-летних стариков, а иногда даже и переваливших за сто. При этом даже в таком исключительно пожилом возрасте они сохраняют бодрость и энергию, вполне достаточную для того, чтобы продолжать свои обычные занятия, бегать на лыжах по лесам и горам, совершать большие переходы и т.п. Тот же автор отмечает с изумлением, что лопари очень редко теряют волосы, среди них почти нет лысых. Таким образом, большая часть лопарей умирает не от болезней, а от старости. Когда лопарь чувствует приближение смерти – от старости, или от какой-нибудь другой причины, он обязательно обращается к волшебному барабану и гадает на нем об исходе болезни, о чем уже было сказано выше в главе об языческих обрядах лопарей. Матвей Стерух (*Matthias Steruchius*) писал мне, что лопари считают возможным с точностью узнать при помощи барабана не только день своей смерти, но и то, при каких обстоятельствах она их настигнет. Ког-

да лопарь убеждается таким путем, что смерть его близка, все окружающие его, если они благочестивые и добрые люди, начинают увещавать умирающего, чтобы он памятовал о Христе и молился Богу.

Если близкие умирающего лопаря недостаточно проникнуты христианским вероучением, то они оставляют его в покое и больше заботятся о том, чтобы приготовить все необходимое к посмертному пиру, т.е. тризне, к которой приступают, иногда даже не дождавшись его смерти. Возмутительный пример такого отношения к умирающему сообщил мне тот же Стерух, причем следует заметить, что все это произошло в самое недавнее время. Подобные случаи доказывают, как нужна основанная Густавом Адольфом лопарская школа, имеющая целью распространить христианское просвещение, и вполне справедливы слова ее основателя, болеющего душой об отсутствии духовной помощи умирающим: "Больные, если они живут в отдаленных и малодоступных горных местностях, умирают без всякого утешения, без приобщения Св. Тайн, без исповеди, напутствия и отпущения грехов". Злой дух научает близких, пренебрегая всем этим насущно необходимым для умирающего, дать волю низменным заботам о своем чреве и устройстве языческого пира.

Когда человек умрет, остальные лопари покидают жилище, в котором лежит покойник. Как мы уже говорили, по их поверьям, после смерти человека от него остается нечто невидимое, подобное тому, что древние римляне называли манами, и это нечто чаще бывает враждебно живым людям, окружающим умершего, и может даже причинить им вред. Поэтому лопари боятся мертвецов и в тот же день покидают место, где умер кто-нибудь из их семьи. Труп умершего завертывают в полотняную одежду, если он был достаточно богат при жизни; в противном случае в старую шерстяную, причем покрывают его этим саваном с головой. Так поступают главным образом лопари, соблюдающие христианские обычаи. Другие одевают покойника в лучшее платье, которое он носил при жизни, и затем укладывают тело в гроб, который изготавливается кем-нибудь по специальной просьбе ближайших родственников умершего. Человек этот получает от них медное кольцо и подвязывает его к правой руке на все время работы. "Перед тем как уложить в гроб усопшего, — пишет Самуил Реен, — его ближайшие родственники дают медное кольцо тому человеку, который делает гроб и укладывает в него покойника. Во время этой работы вышеупомянутое кольцо должно быть привязано к его правой руке". По-видимому, это кольцо служит амулетом, защищающим его носителя от зла, которое грозит ему от манов покойного. Поэтому он носит его до тех пор, пока тело не будет предано земле, т.к. с этого момента, по их поверьям, маны становятся менее опасными. Все это чрезвычайно похоже на древнейшие языческие суеверия греков и римлян. Гроб делается обыкновенно из выдолбленного дерева. Если лопарь умирает в таких местах, где совершенно нет деревьев, как, например, на голых вершинах Норвежских гор, то вместо гроба пользуются легковыми санными (achkia), в которые и укладывают тело покойника.

В древнее время излюбленным местом погребения были леса. "До принятия христианства и даже в более позднюю эпоху, — отмечает Торней, — лопари хоронили своих покойников в лесах". Так же поступают и теперь, если поблизости нет христианской церкви. Иногда зарывают

тело в землю вместе с санными на совершенно открытом месте, что делается главным образом в безлесных скалистых местностях. Иногда гроб или сани с телом покойного со всех сторон заваливают в могиле стволами деревьев, чтобы затруднить доступ к нему диким животным. Матвей Стерух писал мне также, что некоторые лопари труп погребают в пещере, заваливая вход в нее крупными камнями.

Что касается сообщения Пейцера о том, что существует обычай закапывать покойника в землю под очагом, находящимся посередине жилища, с целью избегнуть таким путем преследований манов, то ни о чем подобном мне никогда не приходилось слышать. Насколько мне известно, лопари всегда стараются унести тело как можно дальше от своего дома. Привожу здесь соответствующее место из сочинений Пейцера: "Так как лопари больше всего боятся манов умерших родственников, то во избежание преследований с их стороны зарывают тело покойного в землю под самым очагом. По их поверьям, только этим способом и можно оградить себя от преследований и козней злых духов. Тени умерших при этом уже не появляются среди живых и не пугают их, в противном же случае беспрепятственно преследуют всех ранее живших с ним".

Следует отметить еще одну любопытную подробность, которая особенно ревностно соблюдается лопарями, менее проникнутыми христианским духом: в гроб покойного они кладут топор и трут с огнивом. Они объясняют смысл этого обряда тем, что в момент воскресения из мертвых покойному может понадобиться свет в том непроглядном мраке, которым он будет окружен, топор же должен пригодиться им в поисках пути на небо, в особенности во время блужданий по дремучим лесам. Такое объяснение, разумеется, уже придумано ими в более позднее время под некоторым давлением христианства, обычай же этот, несомненно, гораздо более древний, восходит к седым временам глубокого язычества. У светлейшего королевского казначея Стена Биельке мне пришлось видеть точно такой же кремень с огнивом, вырытый из древнего надгробного кургана неподалеку от Упсалы. По-видимому, мысль о том, что духу умершего приходится долго странствовать во мраке, прежде чем он достигнет обители вечного блаженства, является обычным и весьма распространенным языческим верованием, и неудивительно, что страх этой тьмы оказался особенно силен у народа, живущего в стране, где ночной мрак особенно продолжителен и непригляден.

Что касается топора, то и это лишь осколок древнего обычая хоронить мертвеца со всем принадлежавшим ему оружием, топор же является неразлучным спутником лопаря на протяжении всей его жизни. Кроме того, современные лопари, по словам Олафа Петерсона, снабжают топорами покойников еще и потому, что представляют себе загробную жизнь прямым продолжением земной со всеми присущими ей занятиями: "Они тайком кладут в могилу покойного огниво, лук и стрелы, думая, что когда он воскреснет, то сразу будет нуждаться в этих предметах для продолжения того же образа жизни, который он вел на земле". Так поступают лопари, живущие вдали от христианских церквей и еще недостаточно проникнутые истинным просвещением. Остальные хоронят своих умерших на церковных кладбищах, на чем усиленно настаивают работающие среди них священники. Некоторые из

них, более зажиточные, освоившись с христианскими обычаями, не жалеют денег для того, чтобы похоронить своих близких в самом храме.

Никто из лопарей по доброй воле не берется за роль могильщика, кроме самых нищих бедняков, которых и нанимают для рытья могил более богатые лопари. "Придя на кладбище, – пишет Реен, – богатые лопари ни за что не соглашаются сами рыть могилу и приводят с собой для этого нанятого за деньги шведа, если такой случится, или какого-нибудь беднейшего лопаря". На кладбище усопшего погребают по христианскому обряду, а близкие провожают гроб с плачем и воем, одетые в самое потасканное и ветхое платье. К числу особенностей этого погребения относится еще и то, что лопари оставляют на кладбище всю одежду, в которой лежал покойник, и сани, на которых везли гроб. Торней, у которого мы заимствовали эти подробности, добавляет, что под этой одеждой подразумевается не только то платье, которое было на покойном во время болезни, но также и его постель и одеяла. Все это они сваливают на могилу, опасаясь, вероятно, что на всех этих предметах может задержаться какая-нибудь вредоносная зараза, которая могла впоследствии повредить тому, кто продолжал бы ими пользоваться.

Похоронив покойника, обыкновенно на третий день после погребения устраивают по нем поминки. Во время этого пира едят мясо того оленя, на котором гроб был отвезен на кладбище. "На третий день после погребения, – пишет Самуил Реен, – устраивают пир в честь покойного и режут того оленя, на котором гроб был отвезен на кладбище. На пир этот приглашаются все близкие и родственники покойного". Во время этого пира лопари старательно отбирают все кости зарезанного животного и складывают их в особый ящичек, который затем зарывают в землю. Если пирующим удалось раздобыть водку, то ею в честь покойного обносят всех присутствующих, называют эту выпивку "Saliga wiin", т.е. вином блаженного. В ящичек с костями оленя кладут вырезанную из дерева фигурку, изображающую покойного, большой или малой величины в зависимости от того, какого он был роста. Таковы в общих чертах погребальные обряды лопарей. Более зажиточные устраивают иногда поминальный пир ежегодно в годовщину смерти покойного, соблюдая при этом все описанные выше обрядности. "Если умерший был богат, – продолжает Самуил Реен, – то, поминая его, убивают нескольких оленей зараз, повторяя это в течение двух или даже трех лет в годовщину его смерти. Кости съеденных оленей закапывают каждый раз в землю вышеописанным образом".

Из этих описаний ясно, что зарезанный олень нужен не только для угощения пирующих, но также и для жертвоприношения манам, для умилостивления которых и предназначаются зарываемые в землю кости. Одновременно с этим мы видим, как долго длится у лопарей траур по покойнику, он бывает особенно долгов в случае смерти одного из супругов и при потере детей. "Лопари особенно долго оплакивают умершего супруга и детей", – пишет Эрик Плантин". Печаль по усопшим (траур) не выражается у них какими-нибудь внешними знаками или траурной одеждой, как принято у других народов, а просто тается в душе.

Перейдем теперь к наследованию и разделу имущества, которые обыкновенно имеют место после смер-

ти главы семьи или вообще лица, владеющего самостоятельным хозяйством. Собственность лопарей заключается в оленях, серебре, чугунной и медной посуде, оружии и т.п. "Главные богатства лопарей, – пишет Самуил Реен, – заключаются в движимом имуществе, к которому следует отнести оленьи стада, а также серебро, деньги, медные и чугунные вещи и одежду". Ничто не дает лучшего представления о степени состоятельности лопаря, чем количество принадлежащих ему оленей. Некоторые лопари владеют сотней, другие же тысячей, а то и более оленей.

Олаф Магнус называет лишь вдвое меньшее количество как предельное: "Некоторые жители Лапландии владеют десятью, пятнадцатью, тридцатью, семьдесятю, четырьмястами, а то и пятьюстами оленей, которые поручаются заботам пастухов, сгоняющих стада на пастбища". По-видимому, однако, величина стада, принадлежащих одному человеку, бывает действительно громадна. Иоанн Бурей рассказывает о некоем Оровейне, который даже не знал точно, сколько у него оленей. Когда другой лопарь Арент Иоегин украл у него сотню оленей, он даже не заметил этого, т.к. стадо его почти не уменьшилось от такой потери.

Предметы повседневного обихода они держат при себе в шалашах, запасы в описанных нами выше особых амбарах, а серебро и деньги зарывают обыкновенно в землю, называя такое место "Roggai". Делается это по большей части так: серебро и деньги кладут в закрытый на замок ящик, ставят его в медный котел, который прикрывается сверху деревянной доской, и все это зарывают в землю, поверх которой насыпается мох, чтобы постороннему глазу нельзя было заметить ничего подозрительного. Все это делается в большой тайне, скрытно даже от жены и от детей, поэтому иногда в случае внезапной смерти весь клад остается в земле и не достается не знающим о его местонахождении наследникам. Остающееся после усопшего наследство делится обыкновенно так, что брат его получает 2/3 движимости, сестра – 1/3, как установлено шведскими областными законами. Из этого дележа бывают изъяты только те подаренные детям оленя со всем их приплодом, о которых мы уже много говорили раньше.

Недвижимое имущество, т.е. земельный участок, отведенный для кочевья, озера, холмы и т.п., без всякого раздела переходит в пользование всех детей покойного без различия пола, на равных основаниях. Поэтому они считают своей собственностью участок земли, леса, горы, озера и реки, где жили обыкновенно их родители. Что это представление не есть простая претензия, а имеет под собой юридическое основание, доказывает раздел земельных участков Лапландии между отдельными семьями, осуществляемый, как было уже сказано, при Карле IX. Я тоже думаю, что недвижимое имущество и не подлежит разделу между наследниками и должно оставаться во владении всей семьи. Тем не менее, это имущество не является их собственностью в строгом смысле слова, а представляет собой лишь нечто отданное им в пользование шведской королевской казны, за что ими и уплачивается ежегодно определенная дань. Впрочем, об этом уже было сказано нами в другом месте, почему и нет надобности здесь делать еще какие-нибудь добавления.